

АЛЕКСАНДР В. ПАВЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт философии РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5449-1050

Что нового в новом капитализме?

doi: 10.22394/2074-0492-2021-1-39-63

Резюме:

Поскольку в научной литературе все чаще обсуждаются новые виды экономики (цифровая, гиганомика, экономика совместного использования и т.д.), а также регулярно возникают концепции новейшего капитализма, автор статьи задается вопросом о начале этих постоянных концептуальных инновациях и обращается за ответом к актуальной социальной теории. За точку отсчета этих инноваций автор берет книги марксистов Дугласа Келлнера и Дэвида Харви, опубликованных в 1989 году — в символический год падения Берлинской стены. Чтобы выстроить нарратив, автор методологически использует идею периодизации американской культуры «долгих девяностых» (1989-2001) американского культуролога Филиппа Уэгнера и концепцию внешней и внутренней глобализации социального теоретика Роберта Хассана, который в свою очередь строит свои размышления на идее гибкого накопления Харви. На примере фильма «Бойцовский клуб» автор показывает, как происходила колонизация внутреннего человеческого опыта капиталом после 1989 года. Так, в 1990-х капитал, лишая человека сна, стал получать прибыль не только от экономики знаний, но и от эмоций, что нашло отражение в социальной теории на рубеже тысячелетия. Далее, кратко рассказывая о нескольких новейших концепциях капитализма (капитализма больших данных, вычислительного капитализма, семиокапитализма, биокогнитивного капитализма), автор отмечает, что создатели теорий, сосредоточившись на цифровой экономике, не учитывают фактор внешней глобализации, а главное — упускают из виду финансовый капитализм, от которого в конечном счете зависит экономика. Статья заканчивается утверждением, что динамика развития капитала отмечает, что доминирующий нарратив развитых капиталистических стран связан с темой изменений (в экономике, технологии и т.д.).

Ключевые слова: социальная теория, практическая философия, капитализм, постмодернизм, марксизм, медиа

Павлов Александр Владимирович — доктор философских наук, профессор, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия. Научные интересы: социальная теория, марксизм, исследования культуры. E-mail: apavlov@hse.ru

Alexander V. Pavlov¹

National Research University Higher School of Economics; RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia.

What is New in New Capitalism?

Abstract:

As the new types of economy (digital, gignomics, sharing economy, etc.) are more and more frequently discussed in the scientific literature, while novel concepts of new capitalism regularly emerge, the author of the article investigates the origins of these constant changes and turns to contemporary social theory for answers. As a starting point, the author takes the books of two Marxists, Douglas Kellner and David Harvey; both were published in 1989, in the symbolic year of the Fall of the Berlin Wall. To construct a narrative, the author employs the idea of the periodization of the American culture of the long nineties (1989-2001) by the American cultural critic Philip Wagner and the concept of external and internal globalization by the social theorist Robert Hassan, who in his turn grounds his reflections on the idea of flexible accumulation by Harvey. Using the example of the film "Fight Club", the author shows how the colonization of the internal human experience by capital took place after 1989. Thus, in the 1990s, capital, by depriving people of sleep, began to profit not only from the economy built on knowledge, but also from emotions, as reflected in social theory at the turn of the millennium. Further, briefly describing several recent concepts of capitalism (data capitalism, computational capitalism, semicapitalism, biocognitive capitalism), the author notes that the creators of the theories, focusing on the digital economy, do not take into account the factor of external globalization, and most importantly forget about financial capitalism, on which, ultimately, the economy depends. The article concludes that the dynamics of capital development were predicted by David Harvey back in 1989, and that his concept still has a high heuristic potential.

40

Keywords: social theory, practical philosophy, capitalism, postmodernism, Marxism, media

В своей книге «Капитализм платформ» левый социальный теоретик Срничек отмечает, что доминирующий нарратив развитых капиталистических стран связан с темой изменений [Срничек 2019: 35]. В данном случае имеются в виду перемены в экономике, технологии и т.д. Экономика в самом деле меняется, по крайней мере мы знаем множество новых ее направлений: гигномика,

1 Alexander V. Pavlov — DSc in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Higher School of Economics; Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia. Research interests: social theory, Marxism, cultural studies. E-mail: apavlov@hse.ru

экономика совместного использования, цифровая экономика и т.д. Вопрос, насколько эти изменения в экономике радикальны, когда они начались, действительно ли они существуют? И как тогда быть с капитализмом, вариантов которого существует бесчисленное множество? Он меняется вместе с новой экономикой или развивается автономно? В каком соотношении находятся цифровая экономика и посткапитализм [Морозов 2019] или казино-экономика и коммуникативный капитализм [Сафронов 2020]?

Цель статьи — попытаться структурировать всевозможные концепции актуального капитализма (многочисленных капитализмов) посредством периодизирующего повествования. В своем анализе сегодняшней социальной теории я исхожу из позиции, едва ли не противоположной позиции Дмитрия Мазоренко, статья которого представлена в настоящем издании. Преследуя цель как-то темпорализировать капитализм, Мазоренко настаивает, что, во-первых, наиболее удачным языком описания позднего капитализма (термин экономиста-троцкиста Эрнеста Мандела) стала теория постмодернизма философа Фредрика Джеймисона, во-вторых, теория Джеймисона не утратила объяснительной силы, в-третьих, некоторые из более поздних социальных теоретиков, описывая культуру и экономику, следуют намеченному Джеймисоном описательному маршруту и, в-четвертых, многочисленные концепции капитализма, никак не учитывающие постмодернизм, скорее подтверждают актуальность взглядов Джеймисона, нежели наоборот¹. Тем самым согласно Дмитрию Мазоренко, получается, что мы живем в эпоху позднего капитализма, который может быть описан через культуру постмодернизма в версии Джеймисона. Поздний капитализм — это постмодернизм, а постмодернизм — это поздний капитализм. Нельзя сказать, что я не согласен с этой точкой зрения, но мои выводы в соответствии с нарративом, который я выстраиваю далее, несколько отличаются от пересказанных выше. Почему так получилось?

41

Во-первых, чтобы описать окружающую нас реальность, могут быть использованы самые разные понятия или теории: поздняя глобализация, ранний метамодернизм, актуальный постпостмодернизм, антропоцен или капиталоен, информационный капитализм, «цивилизация» и т.д. Как исследователи мы можем заимствовать чужой язык или придумывать свой. Главное, чтобы язык описания как можно точнее соответствовал реальности. Во-вторых, устоявшиеся языки описания в силу их детальной проработанно-

1 Так думает не один Дмитрий Мазоренко. Очень взвешенный и обоснованный взгляд на теорию постмодерна Джеймисона см. [Афанасов 2019].

сти и протестированных словарей скорее всего будут работать лучше тех, которые были изобретены только что. Я не думаю, к примеру, что абсолютно все согласятся с тем, что человечество сегодня живет в эру капиталоцена, так как эта концепция еще не прижилась в академии окончательно и не получила должного развития. Так и в случае, скажем, с постмодерном должно пройти время, чтобы можно было судить об эвристичности самой теории. В-третьих, для каждого этапа развития социального и гуманитарного знания характерен тренд, отражающий моду той или иной концепции/языка описания. Есть языки, более устойчивые в науке, есть те, популярность которых преходяща. Постмодернизм был модной темой в 1980-1990-х, так что многие авторы предлагали свои языки описания постмодерна. Сегодня же постмодерн не может похвастаться былой славой. Но, кажется, капитализм как метапонятие все еще схватывает реальность удачнее других описаний. Исходя из этих посылок, я бы хотел попробовать найти наиболее адекватный язык описания нынешней социальной реальности. Чтобы понять, что это за мир и когда он начался, мы обратимся к уже существующим концепциям социальной теории.

42

Мне неизбежно придется периодизировать новейшую историю экономики, но это будет периодизация особого рода, а именно периодизация концептов. Иными словами, речь пойдет не об описании эмпирического материала из экономики, культуры и общества в целом, а о том, как с этим материалом пытались работать разные ученые и мыслители. Поэтому главным референтом для меня и других теорий будет концепция гибкого накопления, предложенная в 1989 году социальным географом Дэвидом Харви [2021] в книге «Состояние постмодерна». На мой взгляд, Харви лучше всех объяснил логику экономических и социальных изменений западного мира, которая все еще работает. Двумя методологически важными для дальнейшего повествования книгами являются «Состояние дигитальности» социального и медиатеоретика Роберта Хассана [Hassan 2020] и «Жизнь между двумя смертями» философа и культуролога Филиппа Уэгнера [Wegner 2009]. Хассан доказал, что, хотя в концепции Харви не учтено развитие технологий и цифровизация, его идеи лучше всего объясняют нынешний мир. Уэгнер же прекрасно концептуализирует эпоху 1989-2001-х годов через идею о первой (физической) и второй (символической) смерти психоаналитика Жака Лакана. Цитируя Фредрика Джеймисон, Уэгнер пишет, что периодизация — сущностная характеристика самого процесса повествования [Ibid.: 28]. Уэгнер может позволить себе закончить изложение 2001 годом, потому что пишет о политике, отраженной в американской популярной культуре и литературе. Но в плане экономики мне кажется, что эта периодизация может быть расширена. Несмотря

на то что 1999–2001-е годы в самом деле символически значимы для развития концепций капитализма, говорить о них как о точке разрыва все же нельзя.

1989: постмодернизм и технокапитализм

На протяжении 1980-х в науке шли дебаты о модерне/постмодерне. Последний стал термином, которым разные авторы по-своему пытались объяснить стремительно меняющуюся социальную реальность. Каждый ученый или мыслитель исходил в данных описаниях из собственной дисциплинарной перспективы — социологии, культуры, философии и т.д. Это означает не только то, что у авторов не было единого понимания терминов постмодерн/постмодернизм, но и то, что их дисциплинарная оптика определяла их отношения к термину. Например, на фоне популярности постструктурализма в англоязычной академии британский марксист Алекс Каллиникос [Callinicos 1985] критиковал постмодернизм, понимая его специфическим образом. Концепция постмодерна Фредрика Джеймисона, изложенная в нескольких публикациях начиная с 1984 года, приобрела широкую известность немного позже, став одной из самых обсуждаемых к концу 1980-х. Поэтому Каллиникос в 1985 году спорил не с Джеймисоном, но с Лиотаром; английский перевод «Состояния постмодерна» появился только в 1984 году.

43

К концу 1980-х годов все авторы, кто писал на тему, по-своему концептуализировали постмодернизм. 1989 год — символическая дата, когда политическая, экономическая и культурная напряженности в итоге привела к падению Берлинской стены, а позже последовали крах Советского Союза, начало открытия Китая и Индии миру, американский триумфализм и «конец истории» [Hassan 2020: 3]. В 1989-м вышли сразу две важные книги, в целом посвященные постмодерну. Ожидаемо это были работы двух марксистов: «Критическая теория, марксизм и современность» американского культуролога Дугласа Келлнера и «Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений» Дэвида Харви¹. Келлнер заявлял о себе как о преемнике классической критической теории в англоязычной среде, Харви же скромно мыслил себя *классическим* марксистом. Будучи марксистами, оба автора в центр своих исследований ставили вопрос о капитал(изм)е.

1 Наверное, стоит сказать, что также в 1989 году под редакцией Келлнера вышел сборник эссе, посвященных Джеймисону [Kellner 1989a]. В данном тексте мы не уделяем Джеймисону много внимания, потому что определенно его интересовал больше постмодернизм, чем капитализм.

Келлнер утверждал, что критическая теория возникла как реакция на переход от классического капитализма к государственному, также называемому «организованным капитализмом». Поскольку последний, как в 1987 году заявляли социологи Скотт Лэш и Джон Урри [Lash, Urry 1987], закончился, а западный капитализм стал «дезорганизованным», требовался анализ новой ситуации. Келлнер исходил из того, что классическая критическая теория (прежде всего, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе) должна быть «диалектически» пересмотрена и применена к сложившейся исторической ситуации. В своем исследовании социальный теоретик ссылался не только на Лэша и Урри, но также и на тезис Джеймисона о том, что новая «культурная доминанта» соответствует новой социально-экономической стадии капитализма. Келлнер [Kellner 1989: 176] писал, что для Джеймисона капитализм представлял собой «еще более чистую, более развитую, более реализованную форму капитализма, чем более ранние его стадии, которые описаны в критике рыночного капитализма Марксом и ленинской теории империализма». Поэтому коммодификация и капиталистические отношения обмена проникали в сферы информации, знаний, компьютеризации, сознания и самого познания в беспрецедентной степени.

44

Келлнер [Ibid.: 180, 181] хвалил Джеймисона за то, что тот работал в рамках критической теории и отвечал на требования времени. При этом его не устраивали термины «дезорганизованный» и «поздний», которыми Лэш, Урри и Джеймисон описывали капитализм, поскольку он отказывался признавать, что человечество вступило в эпоху постиндустриализма или постмодернизма. Келлнер писал: «В то время как теоретики постмодерна или постиндустриального общества часто утверждают, что ключевые черты капитализма больше не являются центральными принципами социальной организации, я бы сказал, что капиталистические производственные отношения и императив максимального накопления капитала по-прежнему являются центральными конститутивными силами» [Ibid.: 177]. Поэтому Келлнер, отказываясь от категории постмодерна, предлагает собственную концепцию капитализма, получившую название «технокапитализм».

Хотя Келлнер, пересказывая периодизацию динамики капитала Эрнеста Мандела, употреблял понятие «поздний капитализм», которое, как видим, остается принципиальным для Джеймисона, тем не менее он признавал, что на данном этапе развития капитализма можно говорить уже о технокапитализме как о «теоретизации новых конфигураций или констелляций капитализма», а не новой «стадии» капитализма; тем самым это скорее переход от прежних конфигураций и констелляций капитализма к новым. Келлнер [Ibid.:

181] отказывался от идеи рассматривать новое состояние как стадию, «поскольку концепция того, что составляет “стадию” капитализма, не была определена должным образом». Принципиально, что технокапитализм все еще оставался капитализмом. Его политическая экономия восходила к корпоративному и монополистическому капиталу, который становился глобальным и многонациональным. Новизну же очередных констелляций капитала объясняет приставка «техно»: «Технокапитализм демонстрирует растущую концентрацию и централизацию капитала, организованного в транснациональные конгломераты в глобальной системе, в которой новые передовые технологии, такие как спутниковое телевидение, компьютеры и информация, научные и технологические знания, а также формы потребления и массовой культуры имеют международный характер, распространены по всему миру транснациональным капиталом и техно-элитами» [Ibid.: 180].

На экономическом уровне это означало, что технологии, автоматизация и информация стали играть важнейшую роль в производственном процессе и помогли произвести широкий спектр новых социальных и экономических эффектов. Таким образом, технокапитализм характеризовался синтезом технологий и капиталистических социальных отношений, а также производством новых техно-товаров и техно-культуры [Ibid.: 179]. С точки зрения Келлнера, человеческая рабочая сила играла в производстве все меньшую роль, так как заменялась автоматизацией и компьютеризацией, и потому источник прибавочной стоимости извлекался скорее из машин, чем из людей. Накопление происходило не за счет эффективной организации труда, как то было в тейлоризме-фордизме, а за счет технологического развития. В итоге рабочий класс раздробился и дезорганизовался.

Важное значение имеет для Келлнера как культуролога термин технокультура. Последняя представляет собой конфигурацию массовой культуры и общества потребления, в которой товары потребления, телевидение, фильмы, образы и компьютеризированная информация становились доминирующей культурной формой во всем развитом мире. В технокультуре образ и «товарная эстетика» колонизировали повседневную жизнь и трансформировали политику, экономику и социальные отношения.

Келлнер был куда больше заинтересован в пересмотре концепций критической теории и использовании ее для актуального социального анализа, чем в анализе как таковом. Его концепция хотя и выглядит любопытной, все же не была основательно проработана, в чем он сам признавался.

В свою очередь Дэвид Харви работал не только с концепциями и анализом культуры постмодерна, сменившей культуру модер-

на, но и с большим объемом эмпирического материала. В итоге его анализ был куда более точным, а изложение — последовательным. В первой части своей книги Харви, кратко воспроизведя точки зрения на постмодерн, показал тектонические сдвиги в культуре (литература, изобразительное искусство, городское пространство и т.д.). Во второй части работы он обратился к тому, чтобы показать, как фордизм, ориентированный на инструментальное управление и рационализацию производства, столкнулся с кризисом ригидного перенакопления. Так появился постфордизм.

Келлнер [Ibid.: 181] писал примерно то же самое, рассуждая, что технокапитализм зависит от все более развивающейся формы капитала, в которой деньги, идеи, изображения, технологии, товары и услуги могли быть мгновенно перемещены из одной части мира. Келлнер определенно уловил суть изменений, связанных с технологиями, однако не смог их надлежащим образом проанализировать. То, что капитал к концу 1980-х стал мобильным и глобальным, было очевидно практически всем исследователям данного вопроса¹. Эту важнейшую трансформацию надо было все-таки как-то объяснить, что и сделал Дэвид Харви. Кризис перенакопления был преодолен посредством нового гибкого вида накопления, соответствующего постфордизму². Данный тип накопления стал возможен благодаря пространственно-временному сжатию: начиная с эпохи Возрождения посредством картографирования местности, изобретения транспорта, все более эффективных перевозок и т.д. капитал становился глобальным. Начиная с 1973 года он превратился в фиктивный и перестал быть подкрепленным ростом реального производства.

В итоге в 1980-е сложилась совершенно новая экономика, которую Харви [2021: 522-530] называет «экономика с зеркалами». Он обвиняет экономическую политику Рейгана в увеличении и распространении неравенства, обнищании масс, безработице и т.д. При этом единицы обогащались на финансовых спекуляциях. Ровно в том же Рейгана обвинял и Келлнер: «На уровне политики администрация Рейгана продемонстрировала непревзойденный уровень кор-

46

1 Социолог Джордж Ритцер в пятом издании своей книги «Современные социологические теории» (2000) писал именно про концепцию технокапитализма Келлнера [Ритцер 2002]. В восьмом издании (2010) книги Ритцер удалил этот параграф, но написал, как Келлнер анализирует популярную культуру [Ritzer 2010]. Эта ревизия социологической теории лишь подтверждает то, что технокапитализм оказался не самым удачным объяснительным концептом.

2 О фордизме и постфордизме как понятиях социологического анализа в контексте теоретизации постмодерна также см. [Ритцер 2011: 143-148].

рупции, беззакония и иррациональности, которые, вероятно, усугубят кризисы рациональности и кризисы легитимации, которые она пыталась преодолеть в свои предыдущие годы. На уровне повседневной жизни угроза безработицы, снижение уровня жизни, рост числа самоубийств и разводов, а также рост наркозависимости и алкогольной зависимости свидетельствуют об ускорении кризиса мотивации, который может угрожать рациональности и функциональности системы. Таким образом, какие бы виды политического управления ни появились в ближайшие десятилетия, не ясно, как технокapитализм сможет обеспечить рабочие места, доход и полноценное существование в эпоху растущей компьютеризации и автоматизации» [Kellner 1989: 217].

Это мало похоже на экономический анализ и даже на анализ вообще. Оба марксиста рассуждали об одном и том же, но если Келлнер увлекался риторикой, то Харви предложил оригинальный анализ экономической ситуации. В 1989 году было сложно не заметить, что финансовый сектор, освободившись от уз государственного регулирования, после 1980 года стал важнейшим фактором функционирования экономики. С возникновением международных финансовых спекуляций появились и финансовые кризисы, которые до финансиализации капитализма удавалось предотвращать. «Мировая экономика снова оказалась во власти все более продолжительных серий долговых, основанных на финансовых пузырях и спекуляции бумов, которые неизменно заканчивались полным крахом. Не случайно, что этот процесс достиг своего рода кульминации в 1990-е годы» [Бреннер 2014: 30]. В конце своей книге Харви пришел к неожиданным выводам: постмодернизм, являясь новой формой культуры, на деле соответствует не новой стадии капитализма, а отражает вместе с модерном издавна существующую логику развития капитала, который является не вещью, но процессом. «Внутренние правила функционирования капитализма таковы, что они гарантируют его статус динамичного и революционного способа социальной организации, неутомонно и непрерывно трансформирующего то общество, в котором он обосновался» [Харви 2021: 538].

Капитализм «изобретает» новые способы, чтобы эксплуатировать труд, создавать новые потребности, ускорять темп жизни и т.д. В этом смысле его траектория не может быть предсказана, потому что капитализм основывается исключительно на спекуляции «новыми продуктами, новыми технологиями, новыми пространствами и локациями, новыми трудовыми процессами» [Там же: 538, 539]. Постмодерн может быть охарактеризован как своеобразная спекуляция на капитализме. Вывод о новых констелляциях капитала Келлнера, отвергающего ярлык «постмодер-

низм», осторожен, но Харви, разумеется, не приходится делать даже таких робких заявлений, потому что капитал — всегда капитал. Роберт Хассан [Hassan 2020: 7], обсуждая наследие «Состояния постмодерна» Харви, пишет следующее: «Заявленный аргумент Харви, по сути, состоит в том, что все изменилось, но (на самом деле) ничего не поменялось». Вывод Харви, что капитал разрешил свой кризис, распространяясь по планете, подтвердился в 1990-е годы.

1989-2001: что упущено в эмоциональном и культурном капитализме

Как упоминалось во введении, Филипп Уэгнер [Wegner 2009: 5] периодизирует 1989-2001-е годы как важнейший период в американской политике, отраженной в популярной культуре, — «эпоху жизни между двумя смертями», которую он, к слову, называет также «поздним постмодернизмом». В рамках этого периода он обращается к таким продуктам масскульта, как фильм «Мыс страха» (1991), «Терминатор 2: Судный день» (1991), сериалу «Баффи — истребительница вампиров» (1997-2003) и т.д. Среди прочего Уэгнер рассматривает фильм «Бойцовский клуб» (1999) как один из наиболее характерных примеров, в которых отражается американская политика после 1989 года. Это важный пример и для нашего дальнейшего повествования, потому что в фильме отражается критика капитализма до 2001 года. Уэгнер [Ibid.: 13] считает, что «Бойцовский клуб» отражал чувство незащищенности, переживаемое мужчинами среднего класса в условиях зарождающейся глобальной экономики после Холодной войны. В своем анализе «Бойцовского клуба» Уэгнер делает акцент на критике консюмеризма и кризисе маскулинности, но он не рассматривает кино с точки зрения критики капитализма. Мы рассмотрим «Бойцовский клуб» с этой точки зрения, что позволит нам увидеть, как капитализм колонизировал в том числе внутреннее пространство.

Автор литературного источника Чак Паланик предлагал старые решения относительно критики капитализма, но ставил капитализму новый диагноз. Главный герой «Бойцовского клуба» работает на крупную автомобильную корпорацию. Его работа заключается в том, чтобы оценивать аварии и решать, стоит ли отправлять модель машины с заводским браком на доработку или же дешевле урегулировать проблему другим способом, более выгодным для компании. Герой мучается бессонницей, которая, возможно, появилась в результате его работы. Далее он знакомится с харизматичным бунтарем Тайлером Дерденом, и они вместе организуют бойцовский клуб, где «синие воротнички» дают выход своему гневу,

возникшему, как нам дают понять, из-за жизненных неудач. Позже Тайлер реформатирует бойцовский клуб в террористическую группу, цель которой (в фильме) — уничтожить *финансовый* центр цивилизации. В какой-то момент раскрывается, что Тайлер — вторая личность главного героя, живущая активной жизнью, пока герой «спал».

Фактически Паланик выступал здесь хотя и не за революцию путем восстания «пролетариата», но за революцию, организованную посредством заговора, главным субъектом которой становится низший слой «рабочего класса»: официанты, курьеры, уборщики, охранники в барах и проч., т.е. тот, кто оказался на обочине беззаботного общества процветающего консюмеризма. Сама программа проекта кратко звучала так: «Бойцовский клуб делает мужчин из клерков и кассиров. “Проект Разгром” сделает что-нибудь более приличное из современной цивилизации» [Паланик 2005: 120]. Как цель, так и общую идеологию этого политического проекта сложно назвать оригинальной. Собственно, в этом и было старое решение Палаником новых проблем. Тем не менее дело не в этом.

Существует много прочтений книги и фильма. Датские исследователи Бюлент Дикен и Карстен Багге Лаустсен, основываясь на концепциях Болтанского и Кьяпелло, с одной стороны, и Делеза и Гваттари — с другой, отмечают, когда «Бойцовский клуб» трансформируется в «фашистскую организацию», насилие обращается вовне, кульминацией чего становится план «организованного террора» с целью подорвать фундамент общества потребления. В результате ученые ставят вопрос, почему критика капитализма, основанная на идее подрывной деятельности, сохраняется в сетевом обществе? Что, если идея подрывной деятельности поддерживается «новым духом капитализма», который процветает в эстетических формах оправдания капитализма, основанных на вдохновении и творчестве? [Diken, Laustsen 2002: 350].

В итоге авторы приходят к выводу, что «Бойцовский клуб» «вряд ли является “антиинституциональным” ответом современному капитализму, равно как творчество, перверсия или трансгрессия сегодня необязательно являются освободительными» [Ibid.: 360]. Философ Славой Жижек, прочитав цитируемую статью еще в рукописи, рукоплескал выводам авторов, настаивая, что «Бойцовский клуб» не разрушает капиталистическую систему, а всего лишь показывает изнанку обычного субъекта капитализма. «В соответствии с позднекапиталистическим глобальным овеществлением “Бойцовский клуб” предлагает в качестве “основанного на переживании товара” саму попытку взорвать вселенную товаров: вместо конкретной политической практики мы получаем вспышку насилия» [Жижек

2003: 113]¹. Кажется, что подобная точка зрения уводит нас от оригинального взгляда на капитализм в книге и ее экранизации.

Оригинальным же в этом продукте является то, что основатель клуба, а затем проекта стал побочным продуктом работы капитализма, а не участники клуба и исполнители проекта. Искусствовед Джонатан Крари в книге «24/7: поздний капитализм и цели сна» отмечает, что задача капитализма — лишить человека сна, чтобы тот потреблял как можно больше. Преследуя цель получать как можно больше прибыли, капитализм изобретает таблетки, которые не позволяют людям заснуть, чтобы удерживать внимание потребителей круглосуточно [Стару 2013]. Герой «Бойцовского клуба» не принимает таблетки, но не может заснуть, так как одержим благоустройством своей квартиры в кондоминиуме. Сперва ночные приступы потребления («еще чуть-чуть и нечего желать») персонажа, далее хроническая бессонница, организация подпольных драк и в итоге террористической группы становятся побочным результатом капитализма 24/7. Таким образом, новаторство Чака Паланика и создателей фильма состояло не в том, будто они хотели и не смогли предложить адекватный протест против капитализма, а в том, что писатель хотя и художественным языком, но описал новые принципы динамики капитализма — колонизацию всего человеческого опыта, включая сон.

50

Дэвид Харви был настолько проницательным, что сумел предсказать динамику капитала на несколько десятилетий вперед. В книгах 2000-го и 2005 года «Пространства надежды» и «Краткая история неолиберализма» [Harvey 2000; Харви 2007] он не отказывался от идей, высказанных в «Состоянии постмодерна». Решение, найденное посредством гибкого накопления, было временным, и капитализму нужно было дальше и дальше распространяться географически. Уже к концу 1990-х все исследователи забыли про постмодерн и стали изучать глобализацию, что на самом деле отражало лишь тренды в научной моде и никак не умаляло достоинства философии Джеймисона, который сам переключился на другие темы. Проблема в том, что Харви уже в работе 1989 года описал глобализацию и неолиберализм, используя сегодня устаревший термин «постмодерн», чем и смутил некоторых исследователей. Однако в то время, как одни авторы теоретизировали глобализацию, Харви [Harvey 2003] выбрал другой термин — «новый империализм», пото-

1 Русское издание «книги» Жижера представляет собой перевод его предисловия и послесловия к англоязычному сборнику текстов Ленина. По обыкновению, Жижек говорит не только про Ленина, но и много о чем еще, включая фильм «Бойцовский клуб».

му что, как отмечает теоретик медиа Кристиан Фукс [Fuchs 2020: 273, 274], коннотации этого понятия куда более точные и адекватные для марксистского анализа темы.

Некоторая — отнюдь не роковая, но все же — уязвимость теории Харви заключалась в его изначальной специализации: он был географом, мыслил в категориях пространства и вряд ли допускал, что капитал может также распространиться и на «внутреннее пространство». Мы помним его утверждение, что траекторию капитала сложно предсказать. В 1989 году еще не было окончательно ясно, что капитал займется захватом времени, предназначенного для сна. В 2019 году Роберт Хассан, признав теорию Харви, озвученную в «Состоянии постмодерна», высокоэвристичной, решил дополнить ее новым измерением.

В книге «Состояния диджитальности»¹, Хассан в том числе пишет про экономику цифровых технологий. Именно здесь для него оказываются важны идеи Харви о пространственно-временном сжатии и гибком накоплении. В пятой главе работы Хассан говорит, что пространственно-временное сжатие приобретает кардинально новые черты благодаря «цифровой обработке» и предложил концепцию внешней и внутренней глобализации. «Внешняя глобализация» — это процессы колонизации физического пространства планеты рынками, производством, поиском сырья и т.д. «Внешний» аспект глобализации уперся в пространственные ограничения как раз к 1990-м годам, когда экономика стран БРИК влилась в глобальный капитализм. Поэтому то, что Харви называл гибким накоплением, в ситуации XXI века распространялось на те сферы опыта, про которые Харви не писал. Так, «гибкое накопление» стало куда более мощным инструментом капитала, чем полагал сам Харви. Это выражается в повсеместной коммодификации, которая посредством создания безграничного виртуального пространства способна колонизировать почти все регистры жизни в процессе «внутренней глобализации». Капитал проникает в новые области существования и обеспечивает людям коллективную зависимость от цифровых технологий, которые облегчают, соединяют и расширяют глобальную дигитальную экономику [Hassan 2020: 97-128].

Правда в том, что, вероятно, «внутренняя глобализация» была возможна и до цифровых технологий, и период 1990-х годов мы могли бы считать переходным, когда гибкое уже накопление рас-

1 В оригинале «Condition of Digitality»: в названии содержится отсылка к книге Дэвида Харви «Состояние постмодерна», оригинальное заглавие которой «Condition of Postmodernity».

пространялось на внутреннюю жизнь. На это указывают различные теоретики общества и культуры. Израильский социолог Ева Иллуз стала исследовать, как капитализм колонизирует американскую любовь XX века. В книге «Потребляя романтическую утопию: любовь и культурные противоречия капитализма»¹ [Ilouz 1997] она попыталась «разработать стратегии, которые могли бы уловить плотное переплетение повседневной жизни с медиатекстами», и показать, что современные романтические клише восходят к рекламе и образам медиа вообще; поп-культура служит источником представлений о любви. Об этом механизме заимствования представлений Иллуз говорит в главе с характерным названием «Романтическое состояние постмодерна», потому что, как считает социолог, именно в постмодерне образы оказываются важнее реальной жизни [Ibid.: 172-181] (как видим постмодернизм во второй половине 1990-х для некоторых социологов типа Иллуз все еще был эвристическим термином). Этот феномен Иллуз называет «романтической утопией», укоренившейся в потребительском капитализме.

52 Именно про капитализм Иллуз в этой книге говорила мало, хотя и использовала термин «поздний капитализм», часто отождествляемый, по ее словам, с понятием «продвинутый капитализм» [Ibid.: 12]. Непосредственно к концептуализации капитализма она вернулась в книге «Холодная близость: становление эмоционального капитализма» [Ilouz 2007]. Иллуз указывала, что исследование эмоций обнаруживает, что традиционное разделение на якобы неэмоциональную публичную и частную сферы (традиционное место для эмоций) начинает растворяться, обнаруживая новый принцип социальной организации капитализма. Например, частное «я» в интернете проявляет себя публично и фактически создает «публичное эмоциональное я», одновременно подчиняясь дискурсу и ценностям экономической сферы. Поэтому эмоциональный капитализм — это культура, в которой эмоциональные практики и экономические дискурсы взаимно обусловлены. В такой культуре аффект становится важным аспектом экономического поведения, и эмоциональная жизнь развивается в логике экономических отношений.

1 Концепция «эмоционального капитализма» развивалась одновременно с концепцией «когнитивного капитализма», в основу которого были положены знания, а не физический труд. Некоторые авторы пытаются осмыслить переход от «когнитивного капитализма» к «эмоциональному капитализму» как к следующему этапу капитализации человеческого опыта. См. [Бариле 2015].

В недавней книге «Конец любви: социология негативных отношений» Иллуз [Illouz 2019] уточняет терминологию, называя эмоциональный капитализм «объемным» (scopic capitalism). Последний в случаях завершения любовных отношений играет большое значение, так как разрыв социальных связей становится результатом отказа от обязательств, в соответствии с которыми из «сделки» отношений можно выйти в любой момент, равно как и изменить цены, устроить торги и т.д.

Но вернемся в 2000 год к внутренней глобализации. Уже тогда для многих исследователей и публичных интеллектуалов было очевидно, что возникает новая экономика, и капитализм распространяется на все сферы человеческого опыта. Джереми Рифкин [Rifkin 2000] в книге «Эпоха доступа: новая культура гиперкапитализма, в которой вся жизнь — это оплачиваемый опыт» попытался показать, как начинала разрушаться традиционная рыночная система. Несмотря на то что в заглавии работы вынесен термин «гиперкапитализм», Рифкин работает с концептом «культурного капитализма». Последний означает, что в новой ситуации потребления и овеществления товар как реальный референт и его означающее меняются местами. Теперь люди покупают продукты не потому, что нуждаются именно в этих вещах, а потому что товары являются символами чего-то большего. Например, яблоко, продающееся как «экологически чистое», является символом здорового образа жизни. В результате «в экономике начинает преобладать культурное производство, товары все чаще приобретают качества бутафории. Они становятся простыми платформами или площадками, вокруг которых выстраиваются культурные значения. Они теряют свою материальную значимость и получают символическую. Все меньше они становятся вещами и все больше — инструментами, помогающими облегчить получение жизненных переживаний» [Ibid.: 173]. Славой Жижек согласен с этим диагнозом, и когда он упоминал, что «Бойцовский клуб» является «основанном на переживании товаром», то имел в виду, конечно, концепцию Рифкина. В той же книге Жижек [2003: 161] отмечает, что мы в самом деле теперь покупаем не вещи, а свою жизнь. Жижеку не достает в книге Рифкина того, что последний, рассуждая о киберовеществлении 20% человечества, забывает об оставшихся 80%. С точки зрения Жижека, разница между «выдающейся первой частью его книги» (анализ «новой экономики») и «регрессом» (то, что Рифкин не учитывает тех, кто находится на обочине «новой экономики») к постмодернистскому жаргону во второй очевидна [Там же: 168].

На эту же слабость концепции Рифкина обращает внимание британский социальный теоретик и исследователь культуры Джим МакГиган, автор концепции «клевого капитализма» (cool

capitalism). МакГиган пишет, что «культурный капитализм» не существует в вакууме киберпространства и наших переживаний, потому что у капитализма существует также и институциональное измерение. Материальное производство важно. Даже социолог Мануэль Кастельс [2000: 104], возвестив о возникновении глобальной информационной экономики и информационном капитализме, заметил, что подобная экономика является подмножеством экономики индустриальной. Между тем, как и Жижек, МакГиган восхищается рифкинским анализом технологий, информации и умственного труда, но также показывает и обратную сторону индустрии новых технологий: круглосуточную эксплуатацию рабочих глобального Юга, зарплатный фонд которых составляет 1-2% от стоимости производимой ими техники. Одни страдают от нищеты, пока другие, замороженные рекламой «клевых» товаров, неистово потребляют технику продукции Apple [McGuigan 2009].

2001-....: ограничения цифрового капитализма

54

Многое из того, на что проницательно обращает внимание Джим МакГиган, было сказано в символичном для нашего повествования 2001 году в статье «Nintendo-капитализм: ограждения и инсургенты, виртуальное и земное» [Dyer-Witherford 2001]. Текст написан левым теоретиком новых медиа Ником Дайером-Уитфордом, который уже в 1999 году показал, как информационная эпоха, якобы далекая от исторического конфликта между капиталом и трудом, стала их последним полем битвы [Dyer-Witherford 1999]. Ключевым понятием, используемым в рамках анализа цифрового капитализма, в 2001 году для Дайера-Уитфорда было огораживание, которое представляет собой лишение глобальным рынком людей собственности, экспроприацию и ограждение в экономических, социальных и психологических регистрах. В данном случае «Nintendo-капитализм» — не столько концепция, сколько анализ отдельного кейса работы капитализма на примере компании Nintendo.

Первый аспект проблемы касается объединения умов и воображения в информационных пространствах, где доминируют медиа-корпорации. Дайер-Уитфорд ссылается на британского теоретика культуры Рэймонда Уильямса, указавшего, что слова «общественное достояние» (commons) и «коммуникация» (communication) имеют единый корень. Захват ранним капитализмом общих земель может служить метафорой для описания постоянно расширяющейся сферы влияния корпоративных медиа. Интернет, когда-то считавшийся открытой площадкой для свободного обмена информацией,

в итоге превратился в пространство для коммерции. Поэтому многие авторы использовали образ огораживания для описания, каким образом сейчас развивается капитал на «цифровых территориях», в которых капитал увидел новый рубеж накопления. Иллюстрируя эту динамику, Дайер-Уитфорд выбирает Nintendo как ведущую компанию в производстве видеоигр и как одного из самых крупных, быстро развивающихся и технически продвинутых представителей капиталистического развлекательного комплекса.

При этом в отличие от большинства других авторов, теоретизирующих виды нового капитализма (культурный, эмоциональный и т.д.), Дайер-Уитфорд отмечает, «когда мы смотрим на новые захваты киберпространства и медиа, мы никогда не должны забывать, что так называемые “старые” захваты не прекращались. “Глобализацию” можно рассматривать как механизм, который усиливает и расширяет “первоначальное накопление”, возникшее на рассвете капитализма» [Dyer-Witherford 2001: 966]. Следовательно, капитализация киберпространства должна анализироваться вместе со вторым аспектом проблемы — тем, как трудятся рабочие на фабриках в новых промышленных зонах планеты. Сам автор пишет конкретно о мексиканском сборочном заводе (макиладоре), управляемом субподрядчиком Nintendo компанией Maxi Switch. «Это одна из центральных областей, где десятилетнее разрушение докапиталистического крестьянского сельского хозяйства создало рабочую силу для возобновления и многонациональной эксплуатации в том, что Девон Пена называет “постмодернистскими сатанинскими мельницами” глобализованного капитала» [Ibid.: 966].

Казалось бы, видеоигры и фабрики — полярные сферы. Первые относятся к виртуальному/нематериальному опыту, тогда как производство приставок является материальным. В игры играют на технологически развитом Западе, но собирают приставки на Юге. За этим видимым разделением стоит прочная связь: «Виртуальные игроки и рабочие на фабрике взаимозависимы» и находятся на противоположных концах цепочки создания стоимости транснационального капитала. Главная характеристика информационного капитала в целом и индустрии видеоигр в частности — то, что у всех игровых систем, консолей и компьютеров есть общий компонент с другими областями «цифровой экономики» — микрочипы, производство которых передано на аутсорсинг [Ibid.: 982]. Создание высокотехнологичной отрасли потребовало от капитала набора новой квалифицированной рабочей силы, для управления которой требуются методы, отличающиеся от традиционной модели тейлоризма-фордизма.

При этом одной из основных проблем «новой экономики» является то, что по сравнению с огромным количеством низкооплачи-

ваемых услуг она создает относительно мало рабочих мест. К 2001 году Nintendo избавилась от большинства рабочих на производстве, передав его на аутсорсинг, и большую часть оборудования и программные картриджи стали собирать субподрядчики [Ibid.: 983]. И хотя за разработку и дизайн видеоигр отвечают мужчины (на преуспевающем Западе), на фабриках в Мексике трудятся преимущественно женщины. Таким образом, за видеоиграми, этим образцом «новой экономики», тянется шлейф отчуждения и эксплуатации. Фактически, все это — анализ, соответствующий логике процессов 1970-х годов, описанных Дэвидом Харви. Однако для Дайера-Уитфорда [Dyer-Witherford 2009] при том, что он мельком обращался к «Состоянию постмодерна» Харви в «Кибер-Марксе», более ценной оказалась во многом вторичная концепция Майкла Хардта и Антонио Негри.

С тех пор появилось огромное число концепций капитализма, касающихся самых разных аспектов человеческого опыта. Среди них те, что могут быть отнесены к «внутренней глобализации» Роберта Хассана, стоит отметить «семиокапитализм», «вычислительный капитализм», «капитализм больших данных», «нейрокапитализм», «надзорный капитализм» и др. Рассмотрим вкратце эти концепции в хронологическом порядке, чтобы увидеть, как авторы новых версий капитализма, увлекаясь анализом цифровизации, упускают из внимания анализ никуда не исчезнувшего «внешнего капитализма», а главное — финансиализацию.

Термин «семиокапитализм» (semiocapitalism) ввел левый социальный теоретик и активист Франко «Бифо» Берарди. Как ясно из названия, Берарди экстраполирует выводы семиотики на сферу экономики. Берарди определяет семиокапитализм так: «это новый режим, характеризующийся слиянием медиа и капитала» [Ibid.: 18]. Этот режим возникает, когда информационные технологии полностью интегрируют лингвистический труд, и происходит валоризация капитала. Поскольку сам язык включает в себя экономические правила конкуренции, дефицита и перепроизводства, экономика становится менее стабильной, ведь повышение стоимости зависит от языка. Последствия семиотического перепроизводства лежат не только в области экономики, но и в психике, потому что язык оказывает влияние на психосферу [Berardi 2009: 149-159]. «Семиокапитал, по сути, связан не с производством материальных благ, а с производством психической стимуляции» [Ibid.: 45].

Автор концепции «вычислительного капитализма» (computational capitalism) — критик и исследователь медиа Джонатан Беллер. Надо сказать, что Беллер использует вычислительный капитализм как синоним «расистского капитализма» (racial capitalism) [Beller 2017: 10], также утверждая, что вычислительный капитализм выступает

синтезом расистского капитализма и информатики. В более живописных и экспрессивных выражениях Беллер воспроизводит то, что было сказано Ником Дайером-Уитфордом: «Цифровая культура построена на материальных и эпистемологических формах расового капитализма, колониализма, империализма и перманентной войны. Это насилие буквально запечатлено в архитектуре машин, на телах и жизнях всех, особенно жителей глобального Юга и все в большей степени остальных» [Beller 2017: 2]. Беллер, следуя моде на политкорректность, уверяет, что доминирующие технологии следует рассматривать как «расовые образования» и «гендерные образования», а также как программы капитализации. Так что «вычислительный капитализм означает не только капитализм как компьютер или просто капитализм, который функционирует с помощью цифрового компьютера, но капитализм как программу накопления и уничтожения с цифровой поддержкой; капитализм как развертывание и интенсивное развитие алгоритмов неравенства» [Ibid.: 10].

Сара Майерс Уэст, научный сотрудник «AI Now Institute» Университета Нью-Йорка, предложила концепцию «капитализма больших данных» (data capitalism). Ссылаясь на концепцию надзорного капитализма Шошанны Зубофф [Zuboff 2019], Уэст пишет, что пытается описать путь коммерческого развития технологий надзора, она определяет капитализм больших данных как систему, в которой превращение данных пользователей в товар позволяет перераспределить власть в информационную эпоху. Используя термин «капитализм больших данных», она описывает «последствия перехода от модели e-commerce, основанной на продаже товаров в интернете, к модели рекламы, основанной на продаже аудитории, а точнее, на продаже индивидуальных поведенческих профилей, привязанных к пользовательским данным [West 2017: 23]. Но если у Зубофф сырьем является «поведенческий излишек», то Уэст показывает, как капитал использует в своих интересах «цифровой след». Например, это касается политики использования реальных имен на Facebook. Когда пользователь указывает реальные данные, социальная сеть может связать их с его действиями на Facebook и предлагать более точную рекламу в зависимости от его покупок [Ibid.: 34, 35].

Итальянский IT-инженер, программист и независимый исследователь Джорджио Грициоти, предлагая термин «биокогнитивный капитализм», хотя его книга и называется «Нейрокапитализм», не так уж и много прибавляет ко всем этим концепциям. Автор рассказывает, как «биокогнитивный капитализм пытается получить доход от информации о поведении, эмоциях и жизни просьюмера в целом» [Grizioti 2019: 61]. Грициоти благоразумно

отмечает, что промышленное производство, хотя и потеряло свою центральную роль в экономике, никуда не исчезло. Поэтому он сравнивает жизнь двух эпох: «с одной стороны, образ жизни индустриального капитализма, характеризуемого принадлежностью к месту, а с другой — современного капитализма, характеризующегося миграцией и кочевничеством, где информационно-коммуникационные технологии довели скорость гипермедиаических связей до материи» [Ibid.: 17]. Предисловие к книге написала Тициана Терранова — активистка и пионер в осмыслении влияния новых технологий на общество. Она отмечает, что книга Гриццотти изобилует новыми концептами (биогипермедиа, когнитивная аристократия, биокогнитивный капитализм, реальное подчинение и т.д.) [Тегганова 2019: 5]. Изобретение концептов — важная философская работа, но иногда обилие новых слов содержательно мало прибавляют к тому, что было известно ранее, т.е. фактически не справляются с «описанием реальности».

58

Итак, приведены некоторые из имеющихся в актуальной социальной теории концепций «нового капитализма». Казалось бы, все теоретики изучают распространение капиталистической логики на совершенно новые сферы человеческого опыта, но на деле концепции «нового» капитализма оказываются ограниченными, причем именно в силу той оптики, которую выбирают сами авторы (многообразии цифровой сферы), чтобы сказать что-то новое про капитализм. Создавая какофонию капитализмов, авторы множат сущности, часто объясняя известные феномены хуже, чем это делали более ранние концепции. Между тем давайте ответим на вопрос, насколько радикально изменился капитализм, который уже тогда получил приставку «техно», с 1989 года, даты, которую мы обозначили как символическую.

Заключение

Напомним, что обе книги, с которых мы начали повествование, вышли в 1989 году. За три года до этого вышла работа «Казино-капитализм» британской исследовательницы международных отношений Сьюзен Стрендж [Strange 1986]. С точки зрения Стрендж, международные финансовые рынки, которые становились могущественнее национальных правительств, фактически превратились в неуправляемое казино, чем объяснялись последующие финансовые кризисы. Термин как эвристический концепт активно используют в актуальных исследованиях [Sinn 2010]. В совсем новой книге экономист Марианна Маццукато отмечает, что финансовая безопасность (в смысле управления деньгами), конечно, очень важна, но добавляет, что в казино-капитализме всего лишь перераспре-

деляются доходы из других областей и ничего не добавляется. Такой казино-капитализм, считает Маццукато [2021: 233], невозможно реформировать.

Литературовед Роберт Талли-младший в своей работе «Утопия в эпоху глобализации» замечает: «Возможно, самой печально известной, но вместе с тем малоизученной характеристикой экономической системы в эпоху глобализации является усиление роли финансов. Там, где на других этапах капитализма доминировало производство или обращение товаров, в нынешнем состоянии преобладают финансы как таковые» [Tally 2013: 77]. Талли-младший ссылается на книгу «Капитализм с деривативами» Дика Брайдана и Майкла Рафферти, которые утверждают, что деривативы полностью изменили капитализм, сделав его «более динамичным и более хрупким; более сложным и более интегрированным» [Bryan, Rafferty 2006]. Другие два автора Эдвард ЛиПума и Бенджамин Ли, на которых также опирается Талли-младший, в работе «Финансовые деривативы и глобализация риска» отмечают, что деривативы — не просто инструмент, используемый на рынках, но и форма, которая может трансформировать сами рынки и оказывать влияние, выходящее за пределы товарного производства [LiPuma, Lee 2004]. Таким образом, ошеломляющий рост мирового рынка деривативов изменил сам капитализм.

59

В 1989 году Дэвид Харви [2021: 529] использовал понятие «казино-капитализм», когда в ситуации постмодерна описывал возможности построения личной карьеры для единиц, что на деле оборачивалось эпидемией «бездомности, отчуждения и обнищания, поглотившей многие крупнейшие города». Дело не в том, что он использовал этот термин, но в том, что в отличие от более поздних концепций «цифрового капитализма» он учитывал финансовализацию капитализма. «Надзорный капитализм» или «капитализм больших данных» в отличие от финансового кризиса можно запросто пересидеть в интернете. При этом исследователи, обратившие внимание на роль фиктивного капитала в глобализации в середине 2000-х, пришли к этим выводам сравнительно поздно, решив, что капитализм с 1960-х все же изменился, потому что финансовый капитал распространился слишком широко. Сам Талли-младший осторожен в словах и, не предлагая концепций, лишь однажды упоминает о «реально существующем капитализме».

Правда, однако, в том, что в этих выводах нет ничего нового. Обо всем этом рассказал Дэвид Харви еще в 1989 году, и все новые технологии даже тогда, когда они работают в рамках «внутренней глобализации», по-прежнему соответствуют логике гибкого накопления капитала в глобальном масштабе, как показал Дайер-Уитфорд. Что значат все эти капитализмы (семио-, вычислительный, больших

данных, биокогнитивный, коммуникативный, надзорный и т.д.) в сравнении с казино-капитализмом? Возможно, что много, но также вероятно и то, что в конце концов все они оказываются подчинены ему. Ник Срничек [2019: 102], предлагая концепцию «платформенного капитализма», соглашается, что сегодняшние многочисленные аргументы о переходе к новому способу производства несостоятельны, потому что «платформы предлагают новые формы конкуренции и контроля, но в конечном счете главным мерилом успеха остается прибыльность». Похоже, несмотря на популярность «цифрового капитализма» в современных дискуссиях о «мутации» капитализма, нам рано забывать о глобальном (финансовом) капитале, работу которого одним из первых описал Харви в 1989 году. Все изменилось, но ничего не поменялось.

Библиография / References

Афанасов Н.Б. (2019) В поисках утраченной современности. *Социологическое обозрение*, 18 (1): 256-265.

60

— Afanasov N.B. (2019) In Search of Lost Modernity. *Russian Sociological Review*, 1 (18): 256-265. — in Russ.

Бариле Н. (2015) Брендинг «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди. *Логос*, 3 (105): 138-161.

— Barile N. (2015) Branding the Self in the Age of Emotional Capitalism. The Exploitation of Prosumers, from the Rhetoric of “Double Bind” to the Hegemony of Confession. *Logos*, 3(105): 138-161. — in Russ.

Бреннер Р. (2014) *Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005*, М.: ИД ВШЭ.

— Brenner R. (2014) *The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945-2005*, Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.

Жижек С. (2003) *13 опытов о Ленине*, М.: Ад Маргинем.

— Žižek S. (2003) *Revolution at the Gates: Žižek on Lenin, the 1917 Writings*, Moscow: Ad Marginem. — in Russ.

Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, М.: ИД ВШЭ.

— Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.

Маццукато М. (2021) *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*, М.: ИД ВШЭ.

— Mazzucato M. (2021) *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.

- Морозов А.В. (2019) Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы (рец. на: Срничек Н. Капитализм платформ). *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2: 226-242.
- Morozov A.V. (2019) Navigating Accelerationism: from non-Capitalism to Postcapitalism via Platforms. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2: 226-242. — in Russ.
- Паланик Ч. (2005) *Бойцовский клуб. Удушье. Колыбельная*, М.: АСТ.
- Palahniuk Ch. (2005) *Fight Club. Choke. Lullaby*, Moscow: AST. — in Russ.
- Ритцер Д. (2002) *Современные социологические теории*, СПб.: Питер.
- Ritzer G. (2002) *Sociological Theory*, Saint Petersburg: Piter. — in Russ.
- Ритцер Д. (2011) *Макдональдизация общества 5*, М.: Праксис.
- Ritzer G. (2011) *The McDonaldization of Society 5*, Moscow: Praxis. — in Russ.
- Сафронов Э. (2020) Концепция коммуникативного капитализма Джоди Дин. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 236-247.
- Safronov E. (2020) Jodi Dean's Concept of Communicative Capitalism. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, 1: 236-247. — in Russ.
- Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: ИД ВШЭ.
- Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*, Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.
- Харви Д. (2007) *Краткая история неолиберализма*, М.: Поколение.
- Harvey D. (2007) *A Brief History of Neoliberalism*, Moscow: Pokolenie. — in Russ.
- Харви Д. (2021) *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*, М.: ИД ВШЭ.
- Harvey D. (2021) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.
- Beller J. (2017) *The Message is Murder: Substrates of Computational Capital*, London: Pluto Press.
- Berardi F. (2009) *Precarious Rhapsody. Semiocapitalism and the pathologies of the post-alpha generation*, London: Minor Compositions.
- Bryan D., Rafferty M. (2006) *Capitalism with Derivatives: A Political Economy of Financial Derivatives, Capital, and Class*, New York: Palgrave Macmillan.
- Callinicos A. (1985) Postmodernism, Post-Structuralism, Post-Marxism. *Theory, Culture and Society*, 3 (2): 85-107.
- Crary J. (2013) *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*, London; New York: Verso.
- Diken B., Laustsen C.B. (2002) Enjoy Your Fight! — “Fight Club” as a Symptom of the Network Society. *Cultural Value*, 6 (4): 349-367.
- Dyer-Witheford N. (1999) *Cyber-Marx. Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism*, Illinois: University of Illinois Press.
- Dyer-Witheford N. (2001) Nintendo Capitalism: Enclosures and Insurgencies, Virtual and Terrestrial. *Canadian Journal of Development Studies*, 4 (2): 965-997.

- Dyer-Witheford N., De Peuter G. (2009) *Games of Empire: Global Capitalism and Video Games*, Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Fuchs C. (2020) *Communication and Capitalism: A Critical Theory*, London: University of Westminster Press.
- Grizioti G. (2019) *Neurocapitalism*, London: Minor Compositions.
- Harvey D. (2000) *Spaces of Hope*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Harvey D. (2003) *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
- Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*, London: University of Westminster Press.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*, Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (1997) *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Illouz E. (2019) *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*, Oxford: Oxford University Press.
- Kellner D.M. (1989) *Critical Theory, Marxism and Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Kellner D. (ed.) (1989a) *Postmodernism/Jameson/Critique*, Washington, DC: Maisonneuve Press, 1989.
- Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism*, Cambridge; Oxford: Polity Press and Blackwell.
- Lee B., LiPuma E. (2004) *Financial Derivatives and the Culture of Risk*, Durham: Duke University Press.
- McGuigan J. (2009) *Cool Capitalism*, London; New York: Pluto Press.
- Rifkin J. (2000) *The Age of Access: How the Shift from Ownership to Access is Transforming Capitalism*, London: Penguin.
- Ritzer G. (2010) *Sociological Theory*, New York: McGraw-Hill.
- Sinn H.-W. (2010) *Casino Capitalism: How the Financial Crisis Came About and What Needs to be Done Now*, Oxford: Oxford University Press.
- Strange S. (1986) *Casino Capitalism*, New York: Basil Blackwell.
- Tally Jr. R.T. (2013) *Utopia in the Age of Globalization. Space, Representation, and the World System*, New York: Palgrave Macmillan US.
- Terranova T. (2019) Foreword. Grizioti G. *Neurocapitalism*, London: Minor Compositions.
- Wegner P.E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989–2001: U. S. Culture in the Long Nineties*, Durham: Duke University Press.
- West S.M. (2017) Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy. *Business and Society*, 58 (1): 20-41.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism*, New York: Public Affairs.

Рекомендация для цитирования:

Павлов А.В. (2021) Что нового в новом капитализме? *Социология власти*, 33 (1): 39-63.

For citations:

Pavlov A.V. (2021) What is New in New Capitalism? *Sociology of Power*, 33 (1):39-63.

Поступила в редакцию: 21.01.2021; принята в печать: 22.02.2021

Received: 21.01.2021; Accepted for publication: 22.02.2021